

УДК: 82-94

DOI: 10.31857/S2686673023050012

EDN: CHNZDH

Арбатов – человек, который остановил холодную войну

Георгий Аркадьевич Арбатов был выдающимся учёным и политическим деятелем на протяжении нескольких десятилетий. Он стал создателем научной американистики (и канадоведения) в условиях, когда господствовала идеологическая догма. Создание этого научного направления заложило основы политологии в нашей стране вместо набора пропагандистских штампов. Георгий Аркадьевич сыграл важнейшую роль в исследовании современной рыночной экономики США и других развитых государств. Наконец, он стал одним из первопроходцев в разработке теории контроля над вооружениями.

При этом Георгий Аркадьевич избегал заумной фразеологии, псевдонаучных формулировок. Он обладал удивительной способностью чётко и ясно излагать свои мысли так, чтобы они были понятны и высшему руководству, и широкими слоям общественности.

Конечно, всё это Арбатов делал не в одиночку, а возглавляя уникальную научную школу, которую он создал в нашем Институте. Собранный им команда была сообществом энтузиастов-единомышленников, хотя по некоторым вопросам взгляды не совпадали и между нами шли горячие споры. Благодаря отцам-основателям в Институте сложилась атмосфера доброжелательности и товарищества, что очень помогало научной работе. Особенно важно это было для людей молодого поколения, которые росли в этой атмосфере, способствовавшей не только научному росту, но и человеческим отношениям в коллективе без склок и кляуз.

Арбатов родился в Херсоне. В 1930-е годы его отец, который занимался внешней торговлей, работал в Германии, в Гамбурге. И подростком Георгий Аркадьевич видел нацистов, фашистов, Гитлера, и это, конечно, наложило отпечаток на всё его мировоззрение.

Георгий Аркадьевич был незаурядным человеком с большим кругозором. В 1941 году он ушёл в Красную Армию и служил в дивизионе ракетных миномётов «Катюша». 7 ноября 1941 года он принимал участие в составе своего дивизиона в знаменитом параде на Красной площади, оттуда войска направлялись прямо на передовую, где должны были остановить наступавших на Москву фашистов. Он провёл на фронте почти 3 года. Но потом при форсировании Днепра очень серьёзно заболел, у него была тяжелейшая форма туберкулеза, его комиссовали и отправили домой. Он был на грани жизни и смерти, но мать его

выходила – он выздоровел. Потом поступил в Московский государственный институт международных отношений, который тогда как раз создавался, где обучалось первое поколение советских международныхников.

До этого в Советском Союзе в международной сфере действовали сначала старые большевики с дореволюционным стажем, потом, после того, как они подверглись репрессиям, новое поколение советских чиновников, таких как А.А. Громыко, который вообще-то, конечно, был не вполне готов к подобной роли, да и другие деятели. Ну, вспомним А.Я. Вышинского, который вёл знаменитые процессы 1937 года, потом был перекавалифицирован в заместителя наркома иностранных дел.

Арбатов был этим самым первым поколением МГИМОшников, из которого во второй половине сороковых годов, но немного позднее, вышел целый ряд известных персонажей, например Е.М. Примаков.

После окончания МГИМО Георгий Аркадьевич занялся журналистикой. Через некоторое время он стал консультантом ЦК КПСС, где существовала группа политических консультантов, которую курировал секретарь ЦК Отто Вильгельмович Куусинен, а затем Юрий Владимирович Андропов, который стал секретарём ЦК по работе с социалистическими странами. Эта группа экспертов-консультантов сыграла довольно заметную роль в идеологической модернизации постсталинского Советского Союза. Арбатов был первым руководителем этой группы консультантов, потом были Федор Михайлович Бурлацкий, Олег Тимофеевич Богомолов, Александр Евгеньевич Бовин, Николай Владимирович Шишлин. Они готовили материалы для высшего руководства страны, через Ю.В. Андропова их переправляли, и при Л.И. Брежневэ эта деятельность получила очень серьёзное развитие.

Должен сказать, что эта группа была инициатором пересмотра целого ряда идеологических догм сталинского периода. Например, мирного сосуществования и отсутствия неизбежности третьей мировой войны. Концепция диктатуры пролетариата была заменена концепцией общенародного государства в СССР. Как можете судить по этим двум примерам, речь шла о реформах как во внешней политике, так и во внутренней, но их содержание и конечная цель не были ясны. Внутри высшего эшелона партийного аппарата шло противоборство между догматиками-сталинистами и сторонниками реформ.

Позднее Арбатов работал в Праге в журнале «Проблемы мира и социализма». Это был очень интересный журнал, я, например, студентом с большим интересом его читал, поскольку там высказывались явно неортодоксальные мысли, прежде всего, представителями западноевропейских компартий. Тогда стали популярны идеи «еврокоммунизма», это было очень интересно.

В 1967 г. Георгий Аркадьевич, который уже пользовался достаточно серьёзным авторитетом, добился принятия в Политбюро решения о создании Инсти-

туда США АН СССР. Целью создания такого Института было, с одной стороны, изучение современной Америки, а с другой – поиск путей договорённостей, компромиссов с Соединёнными Штатами.

Решение о создании Института было принято ЦК в 1967 г., когда уже существовали ИМЭМО, Институт Латинской Америки. Поэтому нашему Институту, если считать от 1967 года – года подписания решения, в 2022 году исполнилось 55 лет. Но фактически Арбатов подписал первый приказ в феврале 1968 года, так что Институт как таковой начал работать с февраля 1968 года.

Конечно, мы должны помнить о том, какую роль сыграл Георгий Аркадьевич и созданный им Институт в прекращении первой холодной войны.

В тот период, вторая половина 1960-х годов, и у нас, и в Штатах сохранялась память о Второй мировой войне, когда СССР и США были союзниками, и было широко распространено мнение, что если бы не Трумэн, а Франклин Рузвельт остался бы в живых, то и холодной войны не было бы. Конечно, это не так, но многие так считали.

Холодная война определялась, в первую очередь, идеологическими противоречиями, идеологической несовместимостью Советского Союза и США, то есть идеологический фактор играл очень важную роль, ну и, конечно, геополитическое и военное противостояние двух сверхдержав, оснащённых ракетно-ядерным оружием, противоборство, которое носило тоже глобальный характер.

Институт был создан через 20 лет после начала первой холодной войны. Если посмотреть, когда холодная война окончилась, то это 20 с лишним лет, четверть века практически. Работа Георгия Аркадьевича и той команды, которую он собрал, конечно, отличалась, с одной стороны, очень чёткой защитой интересов нашей страны, нашего народа, а с другой – пониманием необходимости принципиальной трансформации международных отношений и внутренней политики нашей страны.

Говоря о заслугах Георгия Аркадьевича в сфере международных отношений, нельзя не напомнить, что он был одним из глашатаев необходимости экономических и политических реформ в нашей стране.

1967 год, когда создавался Институт, это разгар войны во Вьетнаме, шестидневная война, когда мы привели свои ядерные силы в состояние боевой готовности, угрожая Израилю, чтобы он остановил своё наступление, затем Чехословакия и вооружённые столкновения на советско-китайской границе.

Это был очень тяжёлый период для советско-американских отношений. Казалось, что нет никаких перспектив их улучшения. Особенно победа на выборах в 1968 г. Ричарда Никсона, которого считали ярким антисоветчиком, вызвала крайне пессимистические и тревожные настроения.

Тем ни менее Арбатов и его единомышленники помогли повернуть эту тенденцию вспять. Уже через несколько лет, в 1972 году, началась разрядка напря-

жённости. Несмотря на то, что Соединённые Штаты начали бомбить Ханой, визит Ричарда Никсона в Москву не был отменён, и были подписаны Соглашение ОСВ-1 и Договор по ПРО, возникло ощущение, что холодная война может закончиться.

Уже тогда Институт и его эксперты начали играть важную роль. Созданный Арбатовым Институт, делая первые шаги, внёс очень большой вклад в подготовку к разрядке международных отношений начала 1970-х годов.

Первое поколение ИСКАНовцев, конечно, было представлено не только такой яркой и важной фигурой, как Георгий Аркадьевич Арбатов, который не стал комплектовать Институт за счёт старых советских идеологических работников, а формировал его за счёт практиков, которые имели более реалистические представления о том, что происходит за рубежом и даже в Соединённых Штатах. Двумя его самыми важными замами были Виталий Владимирович Журкин, он, кстати, жив, ему в январе исполнилось 95 лет, и Евгений Сергеевич Шершнёв, который отвечал за экономические исследования.

Начали формироваться мощные направления исследований по внутренней политике. Отдел внутренней политики США курировал Валентин Сергеевич Зорин. Это был знаменитый советский тележурналист, который внёс очень интересные коррективы в зарубежные репортажи особенно из Штатов. В его телевизионных репортажах, конечно, присутствовал пропагандистский элемент, но по сравнению с тем, что было стандартом для советской пропаганды в целом, он показывал многие реальные картинки американской жизни, которые не соответствовали пропагандистским стереотипам.

Валентин Сергеевич, который регулярно ездил в Штаты, часто выступал у нас на Учёном совете и почти каждое своё выступление начинал с заявления: «Всё, что мы с вами думали о США, всё оказалось неправильным».

По внутренней политике наиболее интересными экспертами были Игорь Александрович Геевский, который занимался расовыми проблемами Соединённых Штатов, и Эдуард Александрович Иванян, он позднее стал автором «Энциклопедии США» и «Энциклопедии советско-американских отношений».

Идеологический сектор возглавлял замечательный философ Юрий Александрович Замошкин, который внёс большой вклад в формирование социологической науки в нашей стране. В своих работах он исследовал роль либерализма и консерватизма в американском общества и опровергал пропагандистские клише об отсутствии разницы между двумя главными политическими партиями в США.

Исследования по внешней политике, как и по внутренней, в качестве замдиректора курировал Журкин. Отдел внешней политики возглавлял Генрих Александрович Трофименко, человек, который был очень интересен. Он первым у нас в стране начал анализировать военную политику США не с точки зрения

«шарик налево – шарик направо» и рассказа об агрессивных действиях США, а с применением политологических методов. В этом отделе наиболее интересными были три направления: сектор Ближнего Востока, который возглавлял Александр Константинович Кислов, и я, поступив в аспирантуру, как раз попал в этот сектор. Кислов был моим научным руководителем, причём совершенно блестящим, он меня с диссертацией муштровал, буквально каждое слово вычитывал и подвергал критическому осмыслению.

Ещё один сектор занимался Европой. Им руководил Юрий Павлович Давыдов. И, наконец, ещё один сектор – Дальний Восток, Китай. Его возглавил Владимир Петрович Лукин. Он стал активно разрабатывать концепцию «треугольника» СССР – США – Китай.

Вообще Лукин находился в положении полудиссидента, он тоже работал в журнале «Проблемы мира и социализма» и, выступив с критикой братской помощи ввода советских войск в Чехословакию, оказался на грани исключения из партии, а потом уже, в нашем Институте, он потерял партбилет, его опять чуть не исключили.

Среди экономистов надо отметить специалиста по торговле Юрия Бобракова. В Институте был и сейчас остаётся отдел сельскохозяйственных исследований, Отдел возглавлял Виктор Федорович Лищенко, который был ярким лоббистом производства сои в Советском Союзе, а затем Борис Абрамович Черняков.

Был создан отдел управления, который разрабатывал внедрение в советскую практику американских методов менеджмента, его возглавлял Борис Захарович Мильнер, а потом Леонид Иванович Евенко. Этот отдел сыграл очень большую роль в реализации проекта строительства «КАМАЗ» – автомобильного завода грузовиков, который создавался вместе с «Фордом».

Канадское направление, возглавляли Леон Александрович Баграмов и Сергей Федорович Молочков. Благодаря их активности в 1974 году Институт США был переименован в Институт США и Канады. Дело в том, что канадцы обижались, что единственная в Советском Союзе исследовательская группа по Канаде находится в рамках Института США, а, как Вы знаете, они очень не любят быть «младшими братьями».

Отдел военно-политических исследований долгое время возглавлял генерал-лейтенант Михаил Абрамович Мильштейн, человек с очень специфической судьбой. Он – бывший беспризорник, детдомовец, в 1930-е годы стал резидентом ГРУ в Америке, работал и в Нью-Йорке, и в Калифорнии. Потом вернулся в Советский Союз, не был расстрелян как очень многие зарубежные агенты НКВД и ГРУ, продолжал работать, и когда фашисты напали на СССР полковник Мильштейн был начальником разведки Западного фронта, которым командовал Жуков. Позже Михаил Абрамович рассказывал, что каждый раз, когда ходил к Жукову докладывать обстановку, не знал, расстреляет его Жуков или нет. Потом он

опять вернулся в ГРУ, и этот период его работы в оккупированной Европе мало известен. Он сам мало рассказывал, но он работал с «Красной капеллой» – известной частью советской разведывательной сети в Швейцарии, Германии и Франции.

После войны он заведовал кафедрой стратегической разведки Академии Генштаба. Вообще немало тех, кто пришёл в Институт, имели в прошлом связи с внешней разведкой КГБ или ГРУ.

Главным редактором нашего журнала «США: экономика, политика, идеология» (теперь «США & Канада: экономика, политика, культура») был Валентин Михайлович Бережков. Он был весьма известной личностью. Во время войны он был личным переводчиком И.В. Сталина, а также В.М. Молотова во время его поездки в конце 1940 года в Берлин, переводил в Тегеране на трехстороннем саммите в 1942 году. Потом В.М. Бережков ушёл в МИД, а когда был создан наш Институт, он стал главным редактором журнала, который был очень популярен, и подписаться на него было трудно, поскольку многих в Советском Союзе интересовало, что же реально происходит в США. Наш журнал, где пропагандистские клише не полностью отсутствовали, но не определяли содержание статей, шёл буквально нарасхват. Очень большой интерес вызывала и серия монографий, которые выпускал наш Институт.

Потом В.М. Бережков стал представителем Института в Посольстве СССР в США. Я сменил его на этой должности в 1984 году.

Надо сказать, что вплоть до развала СССР почти все связи с США шли через наш Институт. Помимо официального уровня, то, что называется *second track*: визиты всякие экспертов, сенаторов. Всё шло через наш Институт, мы были как «бутылочное горлышко».

Например, Георгий Аркадьевич Арбатова добился выдачи визы находившемуся в «чёрном списке» Джорджу Кеннану, автору доктрины сдерживания СССР. Я был назначен его сопровождающим, ездил вместе с ним в Ленинград, где он интересовался в Пушкинском доме документами российской внешней политики XIX века. Кеннан меня поразили своими глубочайшими знаниями России. Кроме того, он утверждал, что его идея политического сдерживания (*containment*) была искажена и подменена милитаристской доктриной ядерного сдерживания (*deterrence*).

В 1970-е годы я по поручению Арбатова занимался какое-то время нашими космонавтами и американскими астронавтами. Как раз, когда проект «Союз – Аполлон» начинали готовить. Осталось много хороших воспоминаний о Германе Титове, Алексее Леонове, Виталии Севастьянове, Валерии Рюмине. Я и с астронавтами поддерживал отношения, в том числе с Майком Коллинзом и Юджином Олдричем.

В 1982 году знаменитый протестантский проповедник Билли Грэм приезжал по приглашению Арбатова в Советский Союз. У нас не было специалиста по религиозным вопросам, но Георгий Аркадьевич меня сделал сопровождающим, хоть я и атеист в третьем поколении. Это тоже был для меня интересный опыт, и были, конечно, интересные эпизоды. Тогда главным центром РПЦ был Елоховский собор. Дело было перед Пасхой. Патриарх пригласил Билли Грэма на торжественный обед, куда и я попал в качестве переводчика. Но кроме Билли Грэма там было ещё 6 православных патриархов (константинопольский, антиохийский, греческий, иерусалимский, александрийский, сербский), то есть был у меня уникальный опыт, когда я ел и пил с семью патриархами Православных церквей, а также с Билли Грэмом. Поскольку был пост, ничего жирного есть нельзя было, поэтому патриарх показывал, что чёрную икру надо на огурец намазывать.

Должен сказать, что в разные периоды по-разному развивались отношения Георгия Аркадьевича и нашего Института с властью.

Хочу напомнить, что влияние Арбатова в значительной степени объяснялось тем, что он немало проработал в аппарате ЦК КПСС, в группе политических консультантов, куда входил целый ряд людей, которые отличались критическим отношением к тому догматическому наследию, которое сохранялось в нашей стране в постсталинский период.

Особо я бы отметил роль Георгия Аркадьевича в продвижении идей контроля над вооружениями, в результате чего разоруженческий лозунг превратился из лозунга в реальные практические договорённости, которые привели к очень существенному сокращению ядерных сил, по существу – гонка ядерных вооружений была завершена. Но и в сфере обычных вооружений произошли очень серьёзные изменения.

Естественно, эта работа наталкивалась на ожесточённое сопротивление со стороны бюрократии, прикрывавшейся марксистско-ленинскими догмами. Его чуть ли ни открыто обвиняли в том, что он является агентом ЦРУ и «Моссада». Но Арбатов великолепно владел политическими приёмами, позволявшими ему в условиях командно-административной системы парировать нападки и отстаивать свои позиции. Успехи перемежались с неудачами, но он настойчиво стремился проводить свою линию и никогда не разворачивался на 180 градусов, хотя и шёл иногда на какие-то компромиссы.

С этой точки зрения, Арбатов был в какой-то мере «шестидесятником», который в 1970–1980-е годы смог получить возможность хотя бы частично осуществить свои идеи.

Георгий Аркадьевич никогда не был диссидентом-антикоммунистом. Как мне кажется, он всегда придерживался полученных им в молодости взглядов, был человеком советской системы, однако отвергал сталинизм и массовые ре-

прессии. Он жил по правилам, установленным системой, то есть прекрасно знал, за какие рамки нельзя заходить публично. Но внутри этих рамок он выделялся больше, чем кто-либо другой. Он избирался членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР, стал членом-корреспондентом, а затем академиком.

Свою роль сыграло и то обстоятельство, что Георгий Аркадьевич, проработавший ряд лет в ЦК КПСС у Ю.В. Андропова, пользовался его доверием и поддержкой. Личные связи с Андроповым и Л.И. Брежневым, несомненно, играли свою роль в карьере Арбатова. Это давало ему возможность хотя бы частично делать в своём Институте то, что в Советском Союзе можно было делать только «на грани фола».

У Арбатова были очень тесные связи с помощниками Л.И. Брежнева – А.М. Александровым-Агентовым и А.С. Черняевым, с которым Георгий Аркадьевич плотно работал при М.С. Горбачёве. Брежнев время от времени собирал людей типа Арбатова, Фёдора Бурлацкого, Александра Бовина и слушал. Это качество Брежнева следует отметить, поскольку мало кто знал, что он умеет слушать и слышать, и воспринимать, конечно, далеко не всё, но какие-то вещи он «проглатывал» и брал потом на вооружение.

Что касается отношений Л.И. Брежнева с Г.А. Арбатовым. В директорском кабинете до сих пор стоит большой стол, это стол из кабинета Брежнева. Когда Институт начинался, в пустое здание переехали, первые сотрудники появились, Брежнев отдал Арбатову свой старый длинный стол из кабинета.

Влияние Института было серьёзным, но возникали проблемы. Когда в 1970-е годы советское руководство истолковало американское поражение во Вьетнаме как окончательную победу мирового революционного процесса и начались «приключения» в Анголе, Мозамбике, Йемене, кончилось это дело Афганистаном. Институт, и Арбатов, конечно, в первую очередь выступали против авантюристских действий. Но Арбатов после инфаркта лежал в больнице, когда было принято решение о вводе войск в Афганистан. Даже если бы он не был в больнице, ему вряд ли удалось остановить Брежнева.

Г.А. Арбатов договорился с А.А. Громько о предоставлении нашим молодым сотрудникам двух мест стажёров в посольстве СССР в Вашингтоне и двух мест в советской миссии при ООН в Нью-Йорке. Я поступил в аспирантуру в 1971 году, а окончив первый год аспирантуры, уехал на год в Нью-Йорк.

Была у Арбатова также договорённость, что в Посольстве СССР будет постоянный представитель Института, который имел дипломатический паспорт и занимал должность первого секретаря. Не самая высокая, но и не низкая должность. Я был первым из молодого поколения институтских сотрудников, кто туда приехал в качестве представителя в 1984 году, в очень напряжённый момент в советско-американских отношениях.

В Вашингтоне я работал на Институт, на Арбатова, организовывал его приезды. Моей задачей была поддержка контактов с научно-политическим сообществом США.

Арбатов сумел наладить уникальные связи с ключевыми деятелями этой элиты США. Иногда эти контакты поощрялись американскими властями, но были и случаи недовольства. В начале 1980-х годов администрация Рональда Рейгана отказали Георгию Арадьевичу в выдаче визы.

Весной 1985 года американцы наконец-то дали Арбатову визу. Я договорился о встрече Арбатова с Джорджем Бушем-старшим, который был вице-президентом у Рейгана. Тут произошла забавная история. Нас запускают в кабинет, а на столе у Буша огромная стопка карикатур на Рейгана из советских газет. Арбатов начал говорить, что Горбачёв хочет нормализации советско-американских отношений. А Буш в ответ берёт вырезку с карикатурой и начинает ругать карикатуристов. Потом берёт следующую карикатуру, потом – ещё. И так продолжалось минут 30; Буш показывает карикатуры и жалуется. Только когда карикатуры кончались, начался серьёзный разговор. При этом вице-президент всё время доставал из большой плошки джели-бинс, которые были любимым лакомством Рейгана, и кормил ими Арбатова и меня.

Вдруг без стука открылась дверь, в кабинет вошёл лохматый молодой человек в дырявых джинсах. «А это мой младший сын – футболист». Так мы познакомились с Джорджем Бушем-младшим, который как раз купил футбольную команду в Техасе. Кто бы мог подумать, что через 15 лет он станет президентом США...

В начале 1980-х годов работала комиссия Улофа Пальме и там очень активную роль играли Арбатов и Мильштейн. И идеи «общей безопасности» (*common security*), которую разрабатывала комиссия Пальме, потом сыграли очень важную роль во внешней политике Горбачёва и концепции так называемого «нового мышления».

После того как к власти пришёл М.С. Горбачёв активизировались регулярные встречи Пагуошской конференции, Дартмутской конференции, СИСАК и целого ряда других, и я участвовал во всём этом как организатор, ну и потихоньку как эксперт, поскольку, общаясь с людьми такого уровня, слушая их, я, так сказать, «наматывал на ус» и потихоньку понял, что «не боги горшки обжигают» и что я могу высказать своё мнение.

С американской стороны в диалоге по «второму треку» участвовали ведущие политические эксперты и учёные: Генри Киссинджер, Brent Скаукрофт, Уильям Перри, Маршалл Шульман, Грэм Эллисон, Роберт Легвольд, Лесли Гелб, Мадлен Олбрайт, Карл Саган, Ричард Гарвин, Френк фон Хиппель. Конгресс был представлен сенаторами: демократами Тедом Кеннеди, Сэмом Наннон, Албертом Гором, республиканцами Марком Хэтфилдом и Ричардом Лугаром.

Участвовал также председатель Комитета по делам вооружённых сил Палаты представителей Лес Эспин. Были и «молодые звезды»: Кондолиза Райс, Эштон Картер, Роза Готемёллер, Сьюзан Эйзенхауэр.

С нашей стороны в этих встречах участвовали Георгий Аркадьевич Арбатов (председатель), Евгений Максимович Примаков, Виталий Владимирович Журкин, Евгений Павлович Велихов, Роальд Зиннурович Сагдеев, Андрей Афанасьевич Кокошин, Анатолий Андреевич Громыко, Михаил Абрамович Мильштейн и другие выдающиеся эксперты.

Помимо Академии наук СССР в диалог был вовлечён созданный в 1983 году Комитет советских учёных в защиту мира, против ядерной угрозы. С американской стороны это были СИСАК, Ассоциация контроля над вооружениями, Брукингс, Карнеги, Федерация американских учёных, Ассоциация озабоченных учёных, Гарвардский и Колумбийский университеты. Этот опыт было бы полезно учесть, когда режим контроля над вооружениями оказался на грани полного развала.

Надо напомнить, что Советский Союз предпринимал не только военные контрмеры по преодолению ПРО (асимметричный ответ), но и вёл активный научно-политический диалог по «второму треку». Существовало и массовое антиядерное движение в США и Европе, распространился страх по поводу «ядерной зимы».

«Второй трек» позволил провести подготовку возобновления прерванных по вине администрации Рейгана официальных переговоров по контролю над вооружениями. Контакты экспертов позволили достигнуть договорённости о «трёх корзинах» в переговорах – стратегических наступательных вооружениях, ракетах средней дальности и противоракетной обороне.

И при активном участии нашего Института в 1987 году был заключён Договор по ракетам средней и меньшей дальности, который действовал до 2019 года. Затем были подписаны Договор СНВ-1 (1991 год), Договор СНВ-2 (1992 год) и Договор СНВ-3 (2012 год). Договор по ПРО удалось сохранить до 2002 года, мы выиграли 25 лет.

Поэтому так важны научно-политические контакты.

Я назвал имена отцов – основателей Института, и именно эта команда, которую создал Арбатов, сыграла очень большую роль в подготовке первой разрядки 1972 года.

Новое поколение, к которому я принадлежу, было людьми, которые поступили в аспирантуру, созданную очень быстро после образования Института. И здесь целый ряд ярких имён, ну, например, Андрей Афанасьевич Кокошин, который был аспирантом первого набора, Анатолий Уткин, Юрий Мамедов, Виктор Супян, Сергей Плеханов, Владимир Печатнов, Василий Соколов, Алек-

сандр Коновалов, Сергей Ознобищев, Михаил Герасёв, Валерий Мазинг. Ну и я тоже относился к этой группе.

Наше поколение росло в условиях очень интересных дружеских дискуссий, которые проходили в Институте. Этим Институт сразу отличался от всех других советских учреждений, а может, даже от ИМЭМО, поскольку у нас постоянно шли споры по самым разным вопросам, по которым вроде была пропагандистская установка, но её часто не принимали к исполнению, спорили о том правильно это или неправильно.

И были два формальных и неформальных площадки для этих споров. Одной был буфет, где постоянно шли многочасовые споры по самым разным вопросам, – просто обед не был обедом, если о чём-нибудь не начинали спорить. Например, после поражения США во Вьетнаме появились так называемые *boat people*, те из Южного Вьетнама, которые работали с американцами и бежали на лодках, и в Южно-Китайском море американцы их подбирали и потом везли в Штаты. И вот шли споры: надо этих *boat people* клеймить как наймитов американских или надо признать, что не от хорошей жизни они вынуждены бежать из своей страны и спасаться от репрессий.

Второй площадкой была стандартная в советские времена форма политпросвета, когда на партийных собраниях шли острейшие дискуссии и не только члены партии участвовали в них, но и молодые ребята вроде меня, которые были комсомольцами. И эта была колоссальнейшая школа.

В 1987 году ситуация с развитием перестройки обострялась, и это касалось не только внутренней политики, где началось острое противостояние между сторонниками реформ и их противниками.

Наш Институт играл важную роль в продвижении идей реформ, особенно Георгий Аркадьевич Арбатов и Николай Петрович Шмелёв, очень крупный экономист. Он позднее ушёл в Институт Европы, решение о создании которого было принято в 1989 году; его возглавил Журкин, и туда же ушёл Шмелёв в качестве заместителя директора, а потом стал директором.

Острой борьба была в сфере внешней политики. Ключевой проблемой была война в Афганистане и вывод наших войск, с чем Горбачёв был согласен, но столкнулся с очень большим сопротивлением в политической элите. И война затянулась ещё на несколько лет.

Но главным приоритетом было предотвращение ядерной войны, проблемы контроля над вооружениями. Центральную роль играли переговоры по договору СНВ-1. Я к этому времени после возвращения из Вашингтона был назначен заведующим отделом военно-политических исследований, который раньше возглавлял Мильштейн, потом Алексей Михайлович Васильев. В этот период, в конце 1980-х годов, несколько сотрудников Института были переведены в МИД, в том числе В.П. Лукин, А.М. Васильев, Г.Э. Мамедов, А.Н. Дарчиев.

А.А. Кокошин в начале 1992 года был назначен первым заместителем министра обороны, он тогда считался среди гражданских самым большим специалистом по военным делам.

Лукин очень быстро стал председателем Комитета по международным делам Верховного совета РСФСР. Потом Ельцин вдруг назначил его послом РФ в Вашингтоне.

До этого у нас часто на полставки работали сотрудники Министерства иностранных дел, дипломаты защищали свои диссертации. Например, Владимир Фёдорович Петровский, представитель в ООН, а до этого – советник-посланник у Анатолия Фёдоровича Добрынина.

К сожалению, начался почти открытый конфликт между Арбатовым и Министерством обороны. До этого отношения были в общем-то вполне приличные, не всегда естественно, любое бюрократическое ведомство не любит, когда кто-то ещё даёт советы, тем более, если они расходятся с мнением этого самого ведомства. Д.Т. Язов, который был министром обороны, относился к Арбатову с почтением как к фронтовику и перед поездкой в Соединённые Штаты в 1989 году приходил в Институт посоветоваться с Арбатовым, что было беспрецедентным шагом. Я как заведующий отделом его встречал, но при разговоре тет-а-тет не присутствовал.

Но Арбатов стал публично критиковать Министерство обороны за явное преувеличение военной угрозы со стороны США и НАТО. Здесь произошёл эпизод с авианосцем. Обычно по такого рода вопросам я писал для Арбатова болванку, но он сам опытной рукой её редактировал и препарировал, и выступал на основе такого рода заготовок. Он заявил, что у США только 13 авианосцев, а Минобороны считало 20 с лишним, поскольку в эту категорию приплюсовывали и вертолётноносцы. На самом деле у американцев было не 13, а 14 авианосцев, и на Арбатова обрушился шквал критики и обвинений, это был такой поворотный пункт. Я тогда ему рассказал, что на самом деле у Штатов 14 авианосцев, но 1 постоянно проходит текущий ремонт. Поэтому на активной службе находятся только 13.

И второй момент, связанный с грядущим распадом Советского Союза. Развал СССР мог сопровождаться гражданской войной, учитывая наличие разного рода споров между союзными республиками и автономными. Я понимал, что не в моих силах повлиять на ход истории и предотвратить распад Советского Союза, но надо было предотвратить ядерную гражданскую войну. Необходимо было сделать так, чтобы ядерное оружие СССР осталось только в России, чтобы исключить ядерный вариант конфликта между Россией и Украиной и между Арменией и Азербайджаном, которые к этому времени уже практически вели военные действия в Нагорном Карабахе.

На Украине тогда было 176 МБР с 10 РГЧ и это означало, что на Украине было больше ядерных стратегических вооружений, чем сегодня у России и у Соединённых Штатов по нынешнему Договору СНВ. Плюс ещё несколько тысяч тактических ядерных зарядов. Если бы Украина сохранила это ядерное оружие, то она мгновенно становилась бы третьей ядерной державой мира, хотя в это время вызванные Чернобыльским синдромом антиядерные эмоции на Украине были очень сильны.

Позднее это выразилось в подписании договоров СНВ-1 и СНВ-2, которые позволили лишить Украину МБР с РГЧИН, и в знаменитую речь Джорджа Буша в Киеве, в которой он прямо осудил украинский сепаратизм. Тогда руководители США были против раздела ядерного арсенала СССР между республиками.

Сейчас об этом забыли, но США тогда хотели, чтобы Россия была единственным наследником ядерного арсенала СССР, и способствовали вывозу его из Украины. Противоположное желание тому, что существует сегодня.

Кокошин, конечно, очень себя активно вёл. И он одно время претендовал на роль будущего министра обороны России. Но министром стал генерал Грачёв, а Кокошин был у него первым замом, а позднее стал секретарем Совета Безопасности.

Осенью 1991 года Арбатов назначил меня заместителем директора вместо Кокошина. После этого я погряз в административно-хозяйственной деятельности. Арбатов к тому времени стал конфликтовать с ельцинским окружением, в первую очередь, критиковать экономические реформы Гайдара и Чубайса с его ваучером.

В начале 1990-х годов как официальные, так и неофициальные контакты, особенно российского бизнеса, пошли всё больше и больше мимо Института. Это касается и ИМЭМО в очень большой степени. И, конечно, вот такую роль, которую Институт играл в советские времена, роль «бутылочного горлышка», такую роль уже играть было нельзя. Каждый считает себя экспертом по футболу, а ещё каждый стал считать себя экспертом по Америке.

Георгий Аркадьевич критиковал многие аспекты постсоветской внутренней и внешней политики. Это касалось и реформ Е.Т. Гайдара, А.Б. Чубайса, и политики А.В. Козырева, но голос его не был услышан. В общем-то тенденция, которая наблюдается за последние 30 лет, показывает значительное уменьшение влияния экспертного сообщества. В советские времена, те записки, которые писал Георгий Аркадьевич и сотрудники нашего Института через помощников Брежнева поступали к генсеку, главному руководителю нашей страны, а сегодня складывается такое впечатление, что путь от экспертного анализа и на самый верх где-то обрывается. Анализ, который проводится экспертами, не доходит до верха, не доходят и те предложения, которые делаются.

В 1995 году истёк четвёртый срок директорства Георгия Аркадьевича, но бюрократические правила сделали невозможными перевыборы Арбатова на пятый срок, которые он, как и прежде, без труда выиграл бы.

Георгий Аркадьевич чувствовал, что он сделал не всё, что мог. Он не хотел уходить с должности директора ИСКРАН, чувствуя себя вполне способным продолжать полноценную работу.

Но он не стал обычным пенсионером. Научившись работать на компьютере, что было непросто, он написал несколько книг мемуаров, выступал со статьями, давал интервью. Георгий Аркадьевич жёстко критиковал псевдопрофессионалов в СМИ и во власти, осуществлявших контрпродуктивные реформы в экономике и внешней политике. К сожалению, его голос не был услышан. Эта неустребованность со стороны новых властей была для него тяжёлой болью на все оставшиеся 15 лет жизни.

30 с лишним лет назад Арбатов заявил американцам: «Мы лишили вас врага!». И действительно, согласно опросам Института Гэллапа, в 1990 году более 60% американцев считали Россию дружественной страной. Сегодня этого мнения придерживаются менее 10%. Схожий процесс произошёл и у нас. Видимо, потребуется немало лет, чтобы эта ситуация изменилась.

Новая холодная война началась в 2014 году, шла она по нарастающей, и специальная военная операция придала новой холодной войне особые качества. Не видно никаких перспектив прекращения новой холодной войны.

В этих условиях, на мой взгляд, научному сообществу стоит очень серьёзно задуматься: как не допустить дальнейшего обострения отношений, которое может обернуться «горячей» войной, а «горячая» война между Россией и Соединёнными Штатами Америки — это ядерная война, это на самом деле Третья мировая — ограниченной ядерной войны не будет. Задача заключается в том, чтобы стабилизировать политические и экономические отношения и остановить гонку вооружений.

Надо помнить уроки Арбатова и его сподвижников.

Сергей Михайлович Рогов,
доктор исторических наук, профессор, академик РАН,
научный руководитель Института США и Канады
имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).